

УДК 347.964.1

DOI 10.36511/2078-5356-2021-2-151-157

Гольцман Елена Валериевна
Elena V. Goltsman

адъюнкт адъюнктуры

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

adjunct of the postgraduated course

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: ev12345@mail.ru

Юридическая ответственность судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)

Legal liability of bailiffs in the Russian empire and the Russian Federation (comparative legal analysis)

В статье на основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения проводится хронодискретный анализ юридической ответственности судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации. Автор отмечает, что ранее таких исследований не проводилось, а сравнение юридической ответственности судебных приставов с точки зрения сравнительно-правового изучения отечественного института судебных приставов предполагает не только теоретическую значимость, но и практический интерес.

В одной из статей автор уже упоминал нормативную основу института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации, затрагивающую в том числе и ответственность судебных приставов. Но с течением времени действующее законодательство подверглось многоаспектному реформированию. В связи с указанным обстоятельством все вопросы, связанные с организацией и деятельностью органов принудительного исполнения, приобретают особый интерес.

Возвращаясь к вопросу ответственности судебных приставов в изучаемые периоды, автор обращает внимание на то, что в настоящее время это является более определенным и разработанным по сравнению с дореволюционным периодом. Вместе с этим прослеживается необходимость учета конкретно-исторической ситуации в изучаемые периоды, специфики политического, экономического, социального устройства, особенностей правосознания и менталитета. Сравнение юридической ответственности судебных приставов в разные исторические периоды может привести к выработке практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего устройство и деятельность института судебных приставов.

Based on the methodology of chrono-discrete mono-geographical comparative jurisprudence, the article provides a chrono-discret analysis of the legal responsibility of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation. The author notes that such studies have not been conducted before, and the comparison of the legal responsibility of bailiffs from the point of view of the comparative legal study of the domestic institute of bailiffs suggests not only theoretical significance, but also practical interest.

In one of the articles, the author has already mentioned the normative basis of the institution of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation, which also affects the responsibility of bailiffs. But over time, the current legislation has undergone a multi-faceted reform. In connection with this circumstance, all issues related to the organization and activities of enforcement agencies are of particular interest.

Returning to the question of the responsibility of bailiffs in the studied periods, the author draws attention to the fact that at present this issue is more defined and developed in comparison with the pre-revolutionary period. At the same time, it is necessary to take into account the specific historical situation in the studied periods, the specifics of the political, economic, and social structure, the peculiarities of legal consciousness and mentality. Comparing the legal responsibility of bailiffs in different historical periods can lead to the development of practical recommendations for improving the current legislation regulating the structure and activities of the institution of bailiffs.

© Гольцман Е. В., 2021

Ключевые слова: судебные приставы, юридическая ответственность, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Keywords: bailiffs, legal responsibility, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

В отечественной истории имеются такие институты, в традициях которых присутствовал хронологический разрыв. В современной юридической науке они получили название хронодискретных институтов [1—3] и стали изучаться с помощью методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [4, с. 6—14].

В научной литературе уже имеется обоснование хронодискретного характера института судебных приставов в России [5—8]. По этой причине мы не будем углубляться в данный вопрос, однако считаем необходимым отметить несколько важных, на наш взгляд, моментов.

Дата принятия Судебных уставов — 20 ноября 1864 года стала отправной точкой начала развития и становления института судебных приставов в Российской империи. Все судебные дореволюционные институты России, включая судебные приставов, просуществовали до вступления в законную силу Декрета СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября (5 декабря) 1917 года. Процесс ликвидации приставов следовал вместе с судебными местами Российской империи, при которых они функционировали.

Возрождение института судебных приставов в Российской Федерации произошло 21 июля 1997 года с принятием Федерального закона № 118-ФЗ «О судебных приставах» и Федерального закона № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве». Таким образом, хронодискретная пауза (как формально-юридическая, так и фактическая), приведшая к прерыванию соответствующей правовой традиции в его истории, составляет 81 год. Учитывая этот факт, мы можем сделать вывод, что институт судебных приставов является классическим хронодискретным институтом с ярко выраженным хроноразрывом.

В данной статье мы в хронодискретном ракурсе проанализируем юридическую ответственность судебных приставов в России. Отметим, что ранее такие исследования не проводились, а сравнение юридической ответственности судебных приставов в призме сравнительно-правового изучения отечественного института судебных приставов представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Источником для нашего сравнительно анализа являются нормативные правовые акты

Российской империи и Российской Федерации, в которых закрепляется юридическая ответственность судебного пристава. В Российской империи это — Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года и два процессуальных кодекса — Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства. Первый законодательный акт содержал нормы, определяющие правовой статус и юридическую ответственность судебных приставов. В Уставах уголовного и гражданского судопроизводства особое внимание уделялось порядку осуществления следствия по должностным преступлениям, а также была подробно проработана процедура предания суду судебных приставов и процесс рассмотрения дел о проступках данной категории лиц.

В одной из статей нами уже рассматривалась нормативная основа института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации, в том числе и затрагивающая ответственность судебных приставов [9]. Но с течением времени в действующем законодательстве произошли существенные изменения.

В Российской Федерации круг законов, непосредственно касающихся ответственности приставов, значительно шире. Совсем недавно эта нормативная основа подверглась реформированию и была существенно преобразована. С 1 января 2020 года вступили в силу новые законодательные акты, существенно изменившие институт судебных приставов. Рассматривая ответственность судебных приставов современной России, в первую очередь, следует назвать Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». До 1 января 2020 года он носил название «О судебных приставах». Нормы о юридической ответственности судебных приставов закреплены также в Кодексе этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы судебных приставов, утвержденном приказом ФССП РФ от 12 апреля 2011 года № 124 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы судебных приставов». Последний документ не

является корпоративным актом, а представляет собой обычный нормативный правовой акт. Соответственно, нормы о юридической ответственности, содержащиеся в нем, являются не корпоративными, а правовыми. Кроме того, юридическая ответственность судебных приставов предусматривается УК РФ, ТК РФ, ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ.

Анализируя нормативно-правовую основу, мы можем сделать вывод о том, что дореволюционное и современное законодательство, регулирующее ответственность судебных приставов, существенно отличается как по объему регулируемых вопросов, так и в структурном плане. Данный факт обуславливается тем, что степень развития юридической техники и социально-экономические и политические условия в изучаемые периоды значительно отличаются.

Судебные приставы Российской империи при исполнении судебных актов действовали не как должностное лицо, а от себя лично, тем самым принимая всю полноту ответственности на «свои плечи». Спорные вопросы, возникающие из-за неточностей в толкования норм, приставы решали на основе собственного понимания действующего законодательства. Данный способ разрешения подобных ситуаций был прописан в статье 925 Устава гражданского судопроизводства.

Вышеуказанная статья Устава гражданского судопроизводства помогает нам сделать вывод о том, что приставу был предоставлен огромный спектр полномочий, который никак не регулировался законом, поэтому значимость возложенных функций диктовала им высокую профессиональную дисциплину и повышенную ответственность, что обеспечивалось соответствующими мерами принудительного характера.

За погрешности в профессиональной деятельности и недобросовестное выполнение своих обязанностей к судебным приставам применялись меры правового воздействия. Сам процесс привлечения приставов к ответственности устанавливался нормами главы второй раздела восьмого Учреждения судебных установлений (далее — УСУ).

Размышляя в целом о правовой ответственности судебного ведомства при рассмотрении статьи 261 УСУ, Е. А. Волосатых и В. А. Илюхина пришли к правильному выводу, что данная статья предусматривала два вида ответственности для данной категории лиц, а именно: дисциплинарную и уголовную [10, с. 132]. Первая налагалась по правилам дисциплинарного производства, вторая — по приговору уголовного

суда в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства и Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Что касается института судебных приставов современной России, то в части 2 статьи 19 Федерального закона «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» закрепляется общее правило, которое гласит, что судебный пристав несет ответственность за проступки и правонарушения в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Изучив нормы статей 1331—1336 «О взыскании убытков с судей, прокуроров и других чинов судебного ведомства» Устава гражданского судопроизводства (далее — УГС), мы можем говорить и о гражданской ответственности судебных приставов. Привлечение к гражданской ответственности судебных приставов возникает только за ущерб, причиненный от их недобросовестного исполнения обязанностей. В другой ситуации иск рассматривался по УСУ в общем порядке. Но в любом случае компенсация за убытки взымалась из залога пристава, а если этого недостаточно, то из личного имущества виновного. Соответственно, этот процесс возмещения происходит только по решению суда. Стоит заметить, что алгоритм привлечения к данной ответственности проработан был не в полной мере.

Обращаясь к действующему российскому законодательству, мы можем также говорить о гражданско-правовой ответственности судебного пристава, что подтверждает часть 3 статьи 19 Федерального закона «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Но содержащаяся здесь норма носит отсылочный характер — устанавливается, что «ущерб, причиненный судебным приставом гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации». В соответствии со статьей 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (в т. ч. судебных приставов), подлежит возмещению. Соответствующее разъяснение дается и в пунктах 80—81 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

Дела о дисциплинарной ответственности судебных приставов дореволюционной России слушались мировым съездом, при котором они

состояли. В зависимости от результатов дисциплинарного производства на судебных приставах могли наложить взыскание. В статье 262 УСУ прописывался общий перечень взысканий, которые могли быть наложены по итогам дисциплинарного производства за проступки и правонарушения лиц судебного ведомства. К перечню таких дисциплинарных взысканий мы можем отнести: предостережение, замечание, выговор без внесения в послужной список, вычет из жалования, арест до 7 дней. Но если в течение года пристав трижды совершал нарушения, за которые полагалось замечание и выше, он подлежал передаче уголовному суду.

Необходимо отметить, что в настоящее время в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, как и любой другой работник, судебный пристав также может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Количественный и качественный состав взысканий отличается от Российской империи, однако сквозь время прослеживаются и некоторые сходства. За совершение дисциплинарного проступка согласно статье 192 ТК РФ к судебным приставам могут быть применены такие взыскания, как замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям (когда виновные действия дают основания для утраты доверия либо аморальный проступок по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей). Данная статья имеет отсылочный характер в части, касающейся оснований для увольнения (п. 5—10 ч. 1 ст. 81, п. 1 ст. 336, ст. 348¹¹ ТК РФ).

За совершение судебными приставами дореволюционного периода действий, «произведенных с упущением», с них удерживали материальные средства из денежного вознаграждения. Исключение составляют общие дисциплинарные взыскания, которые прописаны в статье 262 УСУ. Сам порядок назначения денежного вознаграждения судебным приставам по особой таксе утвержден статьями 313—314 УСУ.

Изучив статью 329 УСУ, логично сделать вывод о том, что правом на привлечение к дисциплинарной ответственности (замечание, выговор и даже арест на 7 суток) обладал как председатель суда, так и обер-прокурор, если мы говорим о кассационных департаментах Сената. При этом различные виды финансовых взысканий, так же как и привлечение к судебному разбирательству, могли быть следствием только дисциплинарного производства в отношении судебного пристава.

При выявлении фактов недобросовестного исполнения обязанностей судебными пристава-

ми, повлекших причинение ущерба кому-либо, по судебному решению пострадавшей стороне выплачивалась так называемая компенсация из залога пристава, который он внес при вступлении на должность. Данное вознаграждение в пользу стороны, которой из-за некомпетентных действий судебного пристава был нанесен урон, выплачивается вне зависимости от вида ответственности, будь то дисциплинарная или уголовная. Как мы уже упоминали ранее, если суммы залога не хватало, чтобы погасить весь ущерб, то страдало все имущество виновного (ст. 331 УСУ). При этом судебный пристав освобождался от исполнения своих обязанностей до полного восполнения или внесения нового залога.

В этой связи, мы можем полагать, что судебный пристав в дореволюционный период не только с большим вниманием относился к моральной стороне своей профессиональной деятельности, чтобы не допускать ошибки в своей деятельности, которые могут повлечь за собой причинение ущерба кому-либо, как велел ему долг службы, но и был материально заинтересован в этом.

Что касается денежных взысканий в Российской Федерации, то конкретные меры юридической ответственности за нарушение приставом-исполнителем своих обязанностей устанавливаются в процессуальном законодательстве и УК РФ.

Так, в статье 431 ГПК РФ должностному лицу ответственность за утрату исполнительного листа или судебного приказа устанавливается в виде штрафа в размере до 2 тыс. 500 рублей.

В АПК РФ ответственность судебных приставов установлена статьями 330, 331, 332. При этом, что касается гражданско-правовой ответственности, то делается отсылка на гражданское законодательство (ст. 16 и 1069 ГК РФ). А вот за утрату исполнительного листа и неисполнение судебного акта арбитражного суда судебными приставами предполагается уплата штрафа в размере до 5 тыс. рублей.

Статья 364 КАС РФ устанавливает ответственность за утрату исполнительного документа. За это деяние суд вправе наложить судебный штраф в порядке и размере, установленных статьями 122 и 123 КАС РФ. В соответствии со статьей 122 КАС РФ в данном случае судебный штраф должностному лицу не может превышать 30 тыс. рублей, государственному служащему — 10 тыс. рублей. При этом в части 3 указанной статьи разъясняется, что эти штрафы взыскиваются из личных средств данных лиц.

По нашему мнению, в сравниваемых периодах прослеживается некое денежное стимулирование, прямая материальная зависимость судебных приставов с целью недопущения ошибок в их профессиональной деятельности и более добросовестного исполнения своих обязанностей.

Говоря об уголовной ответственности приставов в Российской империи, следует вспомнить суждение П. М. Курдюка на этот счет, с которым мы полностью согласны. Он полагает, что если в ходе рассмотрения дела в порядке дисциплинарного производства имелись достаточные основания для привлечения судебного пристава к уголовной ответственности, то дисциплинарное производство прекращалось и подсудимый передавался уголовному суду [11, с. 1204—1223].

Рассматривая статью 326 УСУ, мы можем отметить тот факт, что за незаконный отказ в исполнении своих обязанностей, промедление в доставке бумаг, передачу бумаг не в установленном порядке ненадлежащим лицам, превышение властных полномочий и за другие противозаконные проступки судебные приставы подвергались дисциплинарному взысканию, а если имелись достаточные основания, то и уголовному преследованию. Ложные удостоверения по отправлению служебных обязанностей судебными приставами рассматривались в соответствии со статьей 327 УСУ как подлог по службе.

Как и в отношении других должностных лиц Российской Федерации, к приставам-исполнителям могут тоже применяться меры уголовной ответственности. В частности, речь идет о статье 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», статье 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», статье 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», статье 290 УК РФ «Получение взятки», статье 292 УК РФ «Служебный подлог», статье 293 УК РФ «Халатность». Наконец, часть 2 статьи 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» может быть применена и к судебным приставам.

В соответствии со статьей 17 Федерального закона «Об исполнительном производстве» пристав-исполнитель несет ответственность за пропуск законных сроков для исполнения требований. Однако в данной статье конкретные санкции не устанавливаются. Также и для судебных приставов дореволюционного периода ответственность за несоблюдение сроков не была законодательно закреплена.

В части 5 статьи 4 Кодекса этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы судебных приставов устанавливается правило, что пристав «несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за действия или бездействие подчиненных ему работников, нарушающих принципы этики и правила служебного поведения, если он не принял меры по недопущению таких действий или бездействия». В части 9 той же статьи определяется, что за несанкционированное разглашение конфиденциальной информации, которая стала известна приставу в связи с исполнением должностных обязанностей, пристав несет ответственность. При этом ни вид, ни санкции не устанавливаются.

Статья 7 Кодекса этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы судебных приставов называется «Ответственность за нарушение Кодекса». В части 1 этой статьи указывается, что нарушение приставом правил этического кодекса влечет моральное осуждение на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. Кроме того, в случаях, предусмотренных законодательством, к приставу применяются меры юридической ответственности. То, как пристав соблюдает нормы этического кодекса, учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

Если речь вести об этическом и служебном поведении судебного пристава в Российской империи, то в этом контексте мы можем отметить, что ответственность за нарушение данных принципов поведения не предусматривалась законодательством того времени. Однако необходимо упомянуть, что изначально на должность судебного пристава согласно требованиям, закрепленным в разделе IX главы I «Учреждения судебных установлений», мог претендовать только честный человек, неопороченный обществом и судом.

Итак, говоря об ответственности судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации, мы приходим к выводу, что в настоящее время данный вопрос является более определенным и разработанным по сравнению с дореволюционным периодом. Однако анализ действующего законодательства, регулирую-

щего вопросы, связанные с деятельностью судебных приставов, в том числе и закрепляющие нормы ответственности приставов-исполнителей, свидетельствует о том, что большинство правовых аспектов имперской эпохи заимствованы современным демократическим Российским государством.

Примечания

1. Демичев А. А. О понятийном аппарате хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции / под ред. А. А. Демичева, К. А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 9—18.

2. Большакова В. М. Российские хронодискретные судебные институты: монография / научн. ред. А. А. Демичев. М.: Русайнс, 2019. 180 с.

3. Илюхина В. А. Российские хронодискретные институты как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (общая характеристика и классификация) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Третьей всероссийской научной конференции / под ред. А. А. Демичева, К. А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2020. С. 32—42.

4. Демичев А. А. Методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Університетські наукові записки: Часопис Хмельницького університету управління та права. 2009. № 2 (30). С. 6—14.

5. Большакова В. М. Институт судебных приставов как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3А. С. 7—15.

6. Большакова В. М. Сравнительно-правовой анализ института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8А. С. 5—16.

7. Гольцман Е. В. К вопросу о хроноразрыве в истории института судебных приставов в России // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Гладкова О. В., 2018. С. 156—58.

8. Гольцман Е. В. Применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения к изучению института судебных приставов в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Третьей все-

российской научной конференции / под ред. А. А. Демичева, К. А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2020. С. 95—106.

9. Гольцман Е. В. Нормативно-правовая основа функционирования института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2019. № 3. С. 95—107.

10. Волосатых Е. А., Илюхина В. А. Институт мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретное исследование): монография / под ред. А. А. Демичева. М.: Русайнс, 2020. 212 с.

11. Курдюк П. М. Правовое регулирование юридической ответственности должностных лиц судебной власти в Российской империи (XVIII—XIX вв.) // Электронный научный журнал КубГАУ. 2014. № 95 (01). С. 1204—1223.

References

1. Demichev A. A. On the conceptual apparatus of chronodiscret monogeographic comparative jurisprudence. *Actual problems and prospects of development of scientific schools Granodiorites moneyarticle comparative law: collection of scientific works on materials of the Second all-Russian scientific conference*, ed. by A. A. Demichev, K. A. Demichev. Nizhny Novgorod: NIU RANEPА Publ., 2019. Pp. 9—18. (In Russ.)

2. Bolshakov V. M. Russian granodiorite judicial institutions: monograph / research. ed. by A. A. Demichev. Moscow: Rusyns Publ., 2019. 180 p. (In Russ.)

3. Ilyukhina V. A. Russian chronodiscret institutes as a subject of chronodiscret monogeographic comparative jurisprudence (general characteristics and classification). *Actual problems and prospects of development of the scientific school of Chronodiscret monogeographic comparative jurisprudence: a collection of scientific papers based on the materials of the Third All-Russian Scientific Conference* / ed. by A. A. Demichev, K. A. Demichev. Nizhny Novgorod: NRU RANEPА Publ., 2020. Pp. 32—42. (In Russ.)

4. Demichev A. A. Methodological principles of the scientific school of chronodiscret monogeographic comparative law. *Universitetski naukovі zapiski: Chasopis Khmel'nitsky universitetu administrativna ta prava*, 2009, no. 2 (30), pp. 6—14. (In Russ.)

5. Bolshakova V. M. Institute of Bailiffs as a chronodiscret Russian Institute. *Questions of Russian and international law*, 2019, vol. 9, no. 3A, pp. 7—15. (In Russ.)

6. Bolshakova V. M. Comparative legal analysis of the Institute of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation. *Questions of Russian and international law*, 2019, vol. 9, no. 8A, pp. 5—16. (In Russ.)

7. Goltsman E. V. On the question of chronorazryv in the history of the Institute of bailiffs in Russia. *Man and society in contradictions and consent: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference*. Nizhny Novgorod: Gladkova O. V. Publ., 2018, pp. 156—158. (In Russ.)

8. Goltsman E. V. Application of the methodology of chronodiscret monogeographic comparative jurisprudence to the study of the Institute of bailiffs in Russia. *Actual problems and prospects for the development of the scientific school of Chronodiscret monogeographic comparative jurisprudence: collection of scientific papers based on the materials of the Third All-Russian Scientific Conference / edited by A. A. Demichev, K. A. Demichev.* Nizhny Novgorod: NRU RANEPА Publ., 2020. Pp. 95—106. (In Russ.)

9. Goltsman E. V. legal basis for the functioning of the Institute of judicial officers in the Russian Empire and the Russian Federation (chronicity analysis). *History of legal*

problems: a New perspective, 2019, no. 3, pp. 95—107. (In Russ.)

10. Volosat'ykh E. A., Ilyukhina V. A. Institute for international judges in the Russian Empire and the Russian Federation (granodiorite study): monograph / ed. by A. A. Demichev. Moscow: Rusains Publ., 2020. 212 p. (In Russ.)

11. Kurdyuk P. M. Legal regulation of the legal responsibility of officials of the judicial power in the Russian empire (XVIII—XIX centuries). *Electronic Scientific Journal of KubGAU*, 2014, no. 95 (01), pp. 1204—1223. (In Russ.)